

В отличие от модальных глаголов *can* и *may* глагол *will*, который в основном служит показателем категориальной формы глагола, маркером будущего времени, передает модальные значения возможности лишь в определенных контекстных условиях /особенно *would*/. К числу формальных признаков употребления *will* в модальном значении можно отнести его сочетаемость с перфектным и длительным инфинитивом, а также контекстные показатели типа: *probably, surely* и другие указания микро- и макроконтеста, которые реализуют то или иное модальное значение *will*. Хотя контекстные условия реализации модальных значений рассматриваемых глаголов иногда оказываются смежными, могут совпадать, но грамматическое назначение *will* как вспомогательного глагола будущего времени затемняет его модальную сущность, делает спорным большинство примеров.

Проблема идентификации и различения рассматриваемых модальных глаголов, которую нельзя решить на уровне дистрибутивного анализа, может быть решена на уровне трансформаций и синонимических замен, подбираемых на основании более или менее широкого контекста.

Парадигматическое и синтагматическое исследования показали, что модальные глаголы *can, may, will* /особенно *can* и *may*/ – главные предикативные слова, выражающие модальность возможности. Представляя совокупность предикативных выражений, в которые входят конститuentы исследуемого семантического поля *Potentiality*, как систему средств выражения модальности возможности можно считать, что модальные глаголы *can, may, will* в сочетании с последующим инфинитивом составляют центр, ядро данной системы.

Список литературы

1. В этой связи см.: Ломаев Б.Ф. Парадигматические и синтагматические характеристики предикативной лексики, выражающей модальность возможности в современном английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Калининский гос. ун-т, 1974. – С. 3–24.
2. Joos M. The English verb. Form and meanings. 1964. – С. 153.
3. Leech G. Meaning and the English Verb. Lnd., 1971. – С. 75.
4. Ehrman M.E. The meanings of the modals in present-day American English. The Hague – Paris, 1966. – С. 34; Palmer F.R. A Linguistic Study of the English Verb. Lnd., 1965. – С. 108–115.
5. У Хорнби в этой связи находим: «When we wish to indicate a possibility with which doubt or uncertainty is mixed, *may* and *might* are often used». – Hornby A.S. A Guide to Patterns and Usage in English. L., 1994. – С. 78.
6. Partridge Eric. Usage and Abusage, pp. 65, 280.

ИДЕЙНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ПОЭМЫ П. ВАСИЛЬЕВА «ХРИСТОЛЮБОВСКИЕ СИТЦЫ»

Рубцова Е.В.

Курский государственный медицинский университет, Курск, e-mail: rubcova2@mail.ru

Несмотря на крайне неблагоприятную общественную и литературную ситуацию 1930-х годов П. Васильев находил силы расширить круг творческих поисков и подняться до соответствующих их уровню художественных обобщений. Тридцатые годы стали для него периодом освоения эпической поэтической формы. Но после раскритикованной поэмы «Соляной Бунт» (1933 г.) поэт вынужден был идти на компромисс, ему пришлось выполнять «социальный заказ», при этом была сделана попытка сохранить собственное художественное мировоззрение. Павел Васильев фактически столкнулся с той ситуацией, в которой оказались другие художники слова. Не желая иллюстрировать «наши достижения», превращать литературу в инструмент пропаганды, они искали возможности сохранить творческое лицо, отстоять свое видение действительности. Для многих (М. Пришвина, Ю. Олеси, О. Мандельштама, Б. Пастернака, других) такой возможностью стали писательские дневники. Они позволяли быть честными перед собой и будущими поколениями.

Был еще один способ уклониться от идеологического наставничества. После того, как сатира в качестве жанра, оказалась фактически под запретом, некоторые писатели воспользовались возможностями такой художественной структуры, которая объединяет утопию и антиутопию одновременно. Подобное жанрообразование («Адам и Ева», «Багровый остров», «Блаженство» М. Булгакова, «Чевенгур», «Котлован» А. Платонова) сохраняло иллюзию поисков и даже нахождения всеобщего счастья и в то же время давало представление о его призрачности, неосуществимости. Явно условная форма смягчала претензии к авторам.

П. Васильев перед лицом реальной угрозы своей жизни, искусственно понизив тип художника-искателя в «Христороубовских ситцах», создал в то же время откровенно утопический образ современной действительности. В основе поэмы не логика поведения заглавного героя, основанная на очевидных мотивах и зависимостях, наоборот – алогизм поступков как результат подражания алогизму самой действительности.

Начинает молодой художник с утверждения не религиозной или мирской схимы, а с изображения жизни в ее буйстве и многокрасочности. Первоначально он напоминает самого поэта ранней поры, который с легко-

стью отверг идеологическое наставничество и ограничение свободы художника: «Чудаки! Заставить ли поэта, /Если он – действительно поэт, /Петь по тезисам и по анкетам, /Петь от тезисов и от анкет» [1, с. 39]. Христолюбов выбился даже из-под опеки богомаза деда, наполнив свои ранние картины дыханием жизни, в божественном открывал земную суть бытия, в повседневности – желаемый идеал. Его образы, напрямую связанные с родной землей и ее людьми, оказались достойны, по убеждению иностранца, кисти Сурикова. Поэтому вряд ли заезжий художник, восхитившийся самобытностью и впечатляющей силой мастерства Игната Христолюбова, мог стать причиной столь яростной деформации творчества последнего. Произошедшие изменения в человеческой и творческой судьбе Игната не могут быть объяснены той логикой, которая предполагает самоценность таланта, личный выбор, свободу творчества. То, что происходит с Христолюбовым, скорее алогично или абсурдно. Иностранец, который потому и предложил Христолюбову ехать за границу учиться, чтобы рядом с дедом Игнат не превратился в заурядного богомаза, похоже там успешно научил жизнелюбца унылому ремеслу. В условиях «героических деяний» это уже не искусство, а политика. «Проницательного» директора текстильного комбината не та раскраска ситцев («Мир прежних снов /Коровым взглядом /Глядел с полотниц...») – [1, с. 540] сразу же наводит на мысль о диверсантах и врагах. Логика абсурда, которая не считается ни с законами художественного творчества, ни с психологией человека, с возможностями самой жизни, к концу действия становится все определеннее.

В «Христолюбовских ситцах» главными вершителями судеб искусства являются люди (тот же директор, парторг комбината, председатель колхоза), прямого отношения к нему (искусству) не имеющие. В их представлениях и требованиях искусство приложимо как иллюстрация к буквально сказочной, современной жизни. Голос агитаторов от жизни и культуры, хотя и набирает невероятную высоту в лозунгах, заклинаниях, привычных хвалебных словосочетаниях, лишь все дальше и дальше уводит и от реальной жизни, и задач искусства, обнаруживая пропагандистский смысл этих дежурных речей. Они становятся основным текстом всей третьей части поэмы. Риторичные, без глубокого внутреннего волнения, они утрачивают динамику, энергию еще и потому, что непроизвольно растянуты. Отдельные реплики Христолюбова вызывают у Смолянинова длинные панегирики всем и всему. Постепенно человеческая суверенность Христолюбова утрачивается, что подчеркивает с оглядкой

на свою судьбу сам поэт. Сюжет поэмы, начиная со второй части, предельно обезличен, освобожден от деталей, подробностей, имеющих хоть какое-то отношение к реальным судьбам людей. Строительство текстильного комбината не есть процесс усилий людей, а вольно изложенная страница сказки.

В новой сказке появился еще один условный персонаж – колхоз «Счастье». Это производственно-колхозное пространство пересекают вдоль и поперек безымянные герои – директор комбината, председатель колхоза, старик, «первый», «второй», «третий голос», «женский голос». Все они безлики, ибо думают (думают ли?), говорят в унисон, однонаправленно, об одном и том же. И оказались они добровольно-насильно, как и предполагалось, железной рукой загнаны в счастье (название колхоза с точки зрения того еще лозунга 1918 года не кажется случайным). Там же, вместе с другими окажется и Христолюбов.

Очевидно, читатель имеет дело не с преодоленными заблуждениями художника, принявшего новые правила игры, а с явной иронией автора поэмы, с очевидной похвалой банальностям, подменой самой жизни сказкой, мифом. Произведения соцреализма, по мнению Голомштока, отражали «не действительность, а идеологию, миф, навязываемый в качестве реальности, и желаемое, выдаваемое за действительное» [2, с. 186]. При этом обратим внимание на то, что отстраненность поэта от событий в той части, где речь идет об индустриально-колхозной эпопее-утопии, абсолютна.

С обескураживающей прямолинейностью происходит спасение таланта и воскрешение человека посредством откровенной государственно-партийной риторики и утопической «наглядности», то есть достижений в промышленности и колхозе. Сказочность достижений и преобразований была столь очевидной, что не достигала даже уровня «возвышающего нас обмана», но в «мыслящем сознании» современников могла, тем не менее, вызвать представление о том, перед какой бездной насилия и лжи оказывался художник слова.

Таким образом, доверие к человеку – выразителю национальных традиций, государственнику, сложной и богатой психологически натуре и т.д. – в поэтическом эпосе П. Васильева остается на высоком уровне. И хотя социально-классовые интересы, вторгаясь во все области бытия, серьезно усложняют художественную ситуацию («Соляной бунт»), главным остается противоречие между нравственностью людей, представляющих народную среду, и идеологией тех, кто считает себя вправе учить, карать, быть вождями

«сырых», тех же народных масс. В социально-бытовых взаимоотношениях такое «наставничество» ведет к уничтожению людей («своих» и «чужих»), кровопролитию; культуру оно подменяет псевдокультурой, сложные эстетические задачи – общественно-политической агитацией («Христолюбовские ситцы»).

Список литературы

1. Васильев П.Н. Стихотворения и поэмы. – Л.: Сов. писатель, 1968. – 631 с.
2. Голомшток И.Н. Тоталитарное искусство. – М.: Галарт, 1994. – 296 с.

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ФИЛОЛОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ

Федюковский А.А.

*Санкт-Петербургский университет управления
и экономики, Санкт-Петербург,
e-mail: fedukovsky@mail.ru*

В современной непростой геополитической обстановке значимость образования как российской национальной идеи очевидна – образование является важнейшей тенденцией развития общества, интеллектуальным фундаментом социального развития. Основная цель образовательной системы – формирование личности-патриота. Воспитание чувства патриотизма как потребности и способности к деятельной любви к своей Родине – один из важнейших компонентов содержания профессионального филологического образования. Именно общность языка и культуры в целом определяют исторический статус любой нации.

В настоящее время крайне остро стоит вопрос подготовки лингвистов-переводчиков, и именно профессиональное филологическое образование призвано выполнять важнейшую идеологическую функцию в деле укрепления единого российского общества.

Подготовка переводчиков является по своей природе интернациональной, так как строится коммуникативно и в организационном, и в содержательном аспектах.

Принцип содержательной коммуникативности воплощается во всеобъемлющем диалоге культур в целом, и языков в частности. Только благодаря диалогу иностранной и родной культур возможно духовное совершенствование личности – высшей цели образования.

Важно особо подчеркнуть, что студент-лингвист овладевает не столько иностранным языком, сколько иностранной культурой, куда язык входит как неотъемлемая составляющая. Только познавая иностранную культуру и язык, можно по-настоящему оценить особенности родного языка, глубоко осознать родную культуру.

Знакомясь с иноязычной культурой, студент последовательно постигает ценностную систему народа-носителя иностранного языка. Сна-

чала он получает сведения об этом народе и его языке, затем овладевает определенной системой лингвистических и экстралингвистических понятий, и, наконец, самостоятельно оценивает иноязычную культуру, постигая менталитет народа, его национальную идею.

В содержании всех учебных дисциплин прослеживается диалог культур. Любое явление в иностранном языке рассматривается в сравнении с явлениями родного языка.

Например, в курсе по истории иностранного языка сопоставляются пути развития иностранного и родного языков, анализируются конкретные языковые единицы двух языков, языковые контакты различных исторических периодов [1]. В лексикологии иностранного языка особый раздел – «Этимология» – посвящен в частности взаимообогащению вокабуляров разных языков, заимствованиям, интернационализмам. При изучении словообразовательных моделей постигается специфика не только иностранного языка, но и неосознаваемые ранее особенности морфологического строя родного языка.

Содержательная интегративность дополняется организационной интегративностью – разнообразием взаимосвязанных методических приемов и упражнений.

Принцип системности основывается на логическом построении учебного плана в целом и отдельных дисциплин в частности. Содержание должно быть цельным, спирально организованным. Спиральность содержания позволяет регулярно повторять, закреплять и обогащать получаемые знания и умения. Любой новый материал должен опираться на старую, уже освоенную информацию.

Принцип моделирования содержания предполагает особый и достаточно полный отбор содержательного минимума учебных дисциплин, что является необходимым в силу временного фактора. Изучаемый материал не должен быть избыточным, но достаточным. Содержательный минимум должен допускать максимальные возможности для дальнейшего поиска различной информации.

Принцип инновации означает постоянное тематическое обновление и (или) обогащение содержания учебных дисциплин. Идеально каждое занятие должно быть открытием для студентов. Содержательная инновация в значительной степени усиливается использованием различных инновационных технологий.

Комплекс принципов построения содержания профессионального филологического образования позволяет организовать учебный процесс на самом высоком идеологическом уровне.

Список литературы

1. Федюковский А.А. Историко-лингвистическая подготовка в системе российского филологического высшего профессионального образования // Вестник ИНЖЭКОНа. Серия «Гуманитарные науки». – 2009. – Вып. 4(31). – С. 253–257.